

Михайло Старицкий

РУИНА

Исторический роман конца XVII века

I

Много ли времени уплыло со смерти славного гетмана Богдана Хмельницкого, и что случилось с богатой, прекрасной, многолюдной страной? Хищная злоба, исступленная месть да широкая удаль загуляли по волнистым степям, по темным лесам и байракам, по кудрявым «чайкам», укрывавшим в зелени своей веселые хатки, по разбежавшимся в даль синих рек селам и по огражденным мурами и башнями городам, загуляли, запиروвали, разливая кругом «червоное пиво» да освещая свои чудовищные «бенкеты» заревом страшных пожаров, увеселяя свои пиროванья криком терзаемых жертв.

Долго билась Украина, долго металась, как запутавшаяся в силках голубка, и упала измученная, истомленная, захлебнувшись в своей же крови.

И исчезла кипучая жизнь... Обнажились разубранные цветами садочки, поднялись из черных груд мусора и пепла какие-то безобразные скелеты-руины, простирая с ужасом к небу свои обгорелые обломки. Почернели стоптанные копытами ковыри нив и лугов, пожелтела пышная шелковая трава и поникла от туги, и укрылась могильным саваном многострадальная родная земля.

Гуляет только буйный ветер по степи, стонет в безлюдных лесах, перешептывается грустно с чайками и плачет, залетевши

к седому батьку Днепру, к нависшим над его порогами скалам, плачет и жалобно поведает им о широком кладбище-руине, раскинувшемся безобразным трупом под чудным и ласковым небом, под яркими лучами равнодушного к горю людскому солнца, под мерцанием тихих, задумчивых звезд.

Только волкам-сироманцам вольно теперь и беспечно бродить по этому колоссальному, немому кладбищу, да орлам сизокрылым свободно садиться на высоких курганах, на широких могилах, — никто не потревожит их царственного покоя. Сторожат они с своих вершин великую пустыню и клекотом будят других орлов степи, вольных казаков.

Но спят они непробудно, глубоко!

Не сумели они устроить прочным жильем свою хату и полегли отдохнуть от непосильной борьбы под открытым небом на широком лоне родной земли. И все затихло, все занемело. Просочилась братская кровь к самому сердцу родной земли и запеклась на нем глубоким неизгладимым струпом.

Прошло много лет... И снова ожила безлюдная пустыня... Возвратились рассеянные бурей дети в край печальной руины и разыскали свои старые разоренные гнезда... Стеклись туда и чужие дети...

Заросла густою травой усеянная казацкими костями земля, покрылась она снова бархатом нив, коврами цветов, зелеными тучами кудрявых лесов, и сравнялись с землею распаханые плугом могилы. Но не исчезла бесследно пролитая братская кровь... Взошла она тугою и разлилась печалью-тоскою по всей родной многострадальной земле...

Сумрачное осеннее небо спускалось серой пеленой над неприглядной, пустынной равниной. Низко над землей, гораздо ниже серого неба, медленно ползли длинные клочки разорванных туч; время от времени принимался накрапывать

холодный осенний дождик и снова утихал. От серого неба, бросавшего на все какой-то унылый оттенок, окружавшая местность казалась еще непригляднее, еще пустыннее.

Сколько глаза хватало, тянулись до самого горизонта, то опускаясь, то снова подымаясь, темные равнины диких, заброшенных полей; увядшая, прибитая морозом трава покрывала их каким-то бурым покровом; то там, то сям виднелись полуобнаженные от листьев рощи; на горизонте синела узкая полоса леса.

Все было тихо, безмолвно... ни птицы, ни зверя не видно было кругом. Мертвую тишину, распростершуюся над этой черной равниной, нарушали только тихие стоны ветра, то подымавшего, то снова опускавшего свои усталые крылья.

По узкой дороге, извивавшейся среди этих заброшенных полей, медленно подвигались вперед два всадника. Длинные керей с нахлобученными на голову шапками почти совсем закрывали их лица. Судя по всклоченной бороде старшего, можно было заключить, что он принадлежал уже к людям почтенного возраста, спутник же его казался еще совсем мальчишкой, однако быстрые и хитрые глаза его, беспрестанно выглядывавшие из-под нависшего капюшона, свидетельствовали, что, несмотря на его юный возраст, житейский опыт был уже далеко не чужд ему.

Спутники ехали молча; слышно было только глухое чавканье лошадиных копыт, вязнущих в размякшей почве.

— Ну и сторонка! — проворчал наконец старший, плотнее закутываясь в свою керейю. — Вот уже с самого утра едем, и хоть бы тебе одна живая душа встретилась.

— Да тут, дядьку, не то что людей, а и зверя не видно, — хоть бы заяц какой перебежал дорогу...

— Тьфу, тьфу! Еще что выдумай, дурню! — Старший поспешно сплюнул трижды на сторону. — Вот еще, наврочишь,

зайца вспомнил... и так не на свадьбу едем.

Разговор прервался.

— А далеко ли еще, дядьку, до Чигирина? — спросил снова молодой.

— Кто его теперь разберет! Были тут по дороге большие села, а теперь, — сам видел...

— И куда это весь народ подевался?

— Куда! Которые после татарского гостювання живы остались — разбежались, кто — на левый берег, а кто — и в московские степи... Много, много народа бежит теперь туда... вот же целый день едем, а и спросить некого.

— Так мы, может, совсем и не в ту сторону едем?

— Гм... кажется, что так, а все же надо будет расспросить. Помню, была тут прежде по дороге большая корчма, да шут ее знает, уцелела или нет.

Кругом руина... Всадник замолчал и после продолжительной паузы проворчал себе под нос:

— Добре хазяйнует гетман Дорошенко, добре!

Путники погрузились снова в угрюмое молчание.

Окружавшая обстановка не располагала к разговорам. Какое-то жуткое, тоскливое чувство пробуждали в душе всякого эти обширные почерневшие равнины диких, заброшенных полей. Но вот в глубине разложистой балки показались издали перед путниками смутные очертания сожженной деревни.

— Вот он, шлях татарский, — проворчал старший путник, указывая на балку, — виден... не скоро вытрется...

— А может, они еще не ушли, — произнес несмело мальчишка, — так мы того...

— Нет, крымцы с Ханенком ушли назад — это верно, а кто его знает... Может, какая другая орда: ведь они теперь здесь, словно волки в Филипповку, всюду рыщут.

Последнее замечание не придавало мальчику большей храбрости.

— Так как бы нам не попасться в пастку, — произнес он, съезжившись и оглядываясь с нескрываемым беспокойством по сторонам, — темнеет...

Старший взглянул на небо.

— Нет, до вечера еще далеко, это насупились тучи; а ты трогай коня... добьемся до какого-нибудь жилья, там расспросим обо всем.

Всадники подобрали поводья, и отдохнувшие лошади побежали доброй рысцой. Несколько холодных капель упало на руки путников; зачастил мелкий осенний дождь.

Так прошло с полчаса.

Но вот, на опушке большого леса, согнувшего полукругом весь горизонт, показалась какая-то темная бесформенная масса, над которой тонкой струйкой расплывался синеватый дымок.

— Стой, стой! — Старший придержал коня и приподнялся в стремях. — Это, кажется, и есть та самая корчма. Ну, слава Богу, добрались до жилья, там обо всем расспросим, а может, кое-что и разнюхаем... Хе-хе, вино развязывает языки. Ну, сворачивай пока что в чашу, дадим кругу, зато избавимся от неожиданных попутчиков.

Путники свернули в лес и, не удаляясь от опушки его, стали приближаться к корчме. Когда, по-видимому, до корчмы оставалось уже незначительное расстояние, старший приказал остановить коней. Затем он соскочил с коня, сбросил с себя керею и остался в рваном рубище. Видевший всадника, за минуту бодро скакавшего на коне, никак не мог бы признать его в этом жалком нищем. Одежду его покрывали громадные заплаты, из-под дырявой шапки свешивались на лоб космы седовато-рыжеватых волос. Нельзя было бы сказать, что наружность нищего производила благоприятное впечатление;

встретившийся с ним с глазу на глаз не преминул бы прочитать и «Верую» и «Отче наш».

— Фу ты, дождь проклятый! — проворчал сердито нищий, старательно стряхивая капли со своей бороды, и затем обратился к мальчику: — Ты же стой здесь да подвяжи лошадям овса, чтобы не заржали, а я пойду разведу.

— Только не засидитесь там, а то ведь здесь...

— Не бойся, не бойся! Скоро вернусь.

Нищий достал из-за пазухи хорошо отточенный нож, вырезал себе толстую суковатую палку и, опираясь на нее, отправился, прихрамывая, по направлению к корчме.

Корчму окружал крепкий забор из толстых дубовых бревен, вверху заостренных; теперь ворота были открыты настежь, так что нищий вошел беспрепятственно во двор. В глубине двора стояла корчма. Это было какое-то большое, бесформенное, рассевшееся здание, чрезвычайно непрезентабельное на вид; желтые намазанные стены его были во многих местах совсем оббиты дождем, почерневшая от времени, растрепанная соломенная крыша напоминала какой-то старый сгнивший гриб, небольшие окна корчмы были затянуты бычачьим пузырем, а во многих местах просто заткнуты тряпками. Однако, несмотря на эту жалкую внешность, в корчме находилось, по-видимому, немало гостей, и гостей не бедных, если судить о их состоянии можно было по лошадям, привязанным у столбов. Отмахиваясь от выскочивших ему навстречу громадных псов, нищий подошел к самой хате и, открывши двери, робко остановился у порога.

В корчме было много народу, но среди собравшихся не видно было ни мещан, ни крестьян, — все это были казаки. Казаки держались двумя отдельными группами, несколько запорожцев, с закрученными за уши гигантскими оселедцами, сидели также за отдельным столом. Между казаками шел оживленный

разговор, так что на нищего, робко остановившегося в дверях, никто не обратил внимания, но это нисколько не огорчило его. Снявши шапку и застывши в просительной позе, он принялся внимательно рассматривать присутствующих.

За длинным столом направо помещалась группа казаков душ в десять. Во главе их сидел довольно плотный седой казак, с чрезвычайно живыми, насмешливыми глазами, — очевидно, это был старший, так как остальные величали его паном сотником. Одежды казаков были забрызганы грязью, видно было, что они ехали откуда-то издалека. За противоположным столом сидело также душ восемь казаков, все они группировались вокруг еще не старого казака с тонкими, сухими чертами лица и смуглым цветом кожи; на нем была дорогая одежда, за поясом торчали великолепные пистолеты, украшенные серебряной насечкой, а у пояса висела загнутая сабля в богатых ножнах. По-видимому, он угощал своих товарищей, и угощал щедро.

Запорожцы пировали за отдельным столом; лица их были возбуждены, жупаны распахнуты, видно было, что товарищество уже подгуляло. Жидовка с наймычкой хлопотали за прилавком; дрожащий и от радости, и от страха перед своими щедрыми, но и страшными гостями, жид беспрерывно шнырял то туда, то сюда, наполняя пустые кубки, исполняя приказания своих гостей; особенно увивался он вокруг запорожцев.

Дым, подымавшийся из казацких люлек, застилал весь потолок корчмы какой-то синеватой колеблющейся пеленой.

— Ну, жиде, иди теперь сюда! — закричал один из запорожцев, смуглый, широкоплечий, с пересеченной губой.

Жид вздрогнул, съежился и в два прыжка очутился возле запорожца.

— Что скажешь, ясный пан лыцарь? — произнес он, изображая на своем перепуганном лице самую

подобострастную улыбку.

— Скажи нам, кто у вас теперь тут на правом берегу гетманует?

Жид невольно обернулся направо и поспешил ответить:

— Кто? Известно — его милость ясновельможный гетман Дорошенко.

— А гетман Ханенко?

Жид торопливо закивал украшенной длинными пейсами головой.

— Так, так! И его милость гетман Ханенко!

— А брешешь же ты, собака! — раздался голос с правого стола. — Простыл уже и след его!

Жид вздрогнул и еще торопливее закивал головой.

— Брешу, брешу, ей-богу, брешу! — подхватил он поспешно. — Они что-то посердились немножко и ушли себе в Крым.

— Вернется! — раздалось с левой стороны.

— Ну, а Суховееенко? — продолжал допрашивать запорожец.

— И его милость пан Суховееенко гетман!

— Так что же это у тебя, — что ни поп, то батька? За кого ж ты сам стоишь: за Дорошенка или за Ханенка, а может, еще за Суховееенка?

При этом вопросе жид побледнел, взгляд его метнулся в одну сторону, в другую, фигура съежилась еще больше.

— Ну, что я, что я! — заговорил он торопливо и подобострастно. — Что могу я знать, бедный жидок? Я все равно, что самая маленькая травка: куда ветер веет, туда и она гнется.

— Го-го! — рассмеялся запорожец. — Значит: «Цыгане, цыгане, какой ты веры?» — «А какой тоби, пане, треба?»

— Ой, вей, ясновельможный пане! На чьем возе едешь, того и писню спивай!

— Видно, все у вас тут такой думки? — заметил громко запорожец.

— Хе! Бабий! Забыли свою вольную волю! Попыхачами стали! — подхватили его товарищи.

— Не волю, а сваволю, — отозвался седой казак с правого стола.

— Не вмер Данило, болячка вдавила! — воскликнул с хохотом запорожец. — Гей, жиде, тащи вина сюда! Выпьем, панове, за здоровье наших городских казаков, чтобы им ярма шеи не мулили.

Обрадованный прекращением щекотливого разговора, жид бросился со всех ног исполнять приказание запорожца и наткнулся на нищего, стоявшего у дверей.

— Пс! пс! Герш ду! — зашептал он, бросаясь к нему. — Чего пришел? Ты не видишь разве, что вельможное панство гуляет? Ну, ну, иди себе!

С этими словами он ухватил нищего за плечи и хотел было вытолкнуть его из корчмы, но нищий не думал уходить.

— На Бога, на Матерь Пресвятую, дозвоьте хоть согреться несчастному... Второй уже день и риски во рту не было, — застонал он самым жалобным тоном, низко кланяясь и протягивая свою рваную шапку.

— Ну, ну, годи! Ступай себе, откуда пришел! — продолжал его выпихивать жид; но причитания нищего услышали казаки.

— Оставь его, чего толкаешь доброго христианина! — заметил жиду седой сотник, сидевший за правым столом. — Иди сюда, старче Божий, на, выпей келех меду!

Нищий подошел к столу и, охвативши дрожащими руками оловянную кружку, жадно прижался к ней губами.

— Куда идешь?

— Ох, хотел было к Чигирину добиться, а теперь и не разберу, куда попал.

— На верный шлях, это самая к Чигирину дорога. А откуда сам?

— Издалека. — Нищий поставил на стол кружку, отер губы полой и низко поклонился казаку. — Дай тебе, Боже, здоровья, ясный пане, измучился совсем, с ног сбился все по пущам да по яругам.

Казаки полез в кешеню и, доставши оттуда серебряную монету, бросил ее в шапку нищему. Нищий поспешно спрятал за пазуху полученную монету и кинулся целовать руку щедрому казаку.